Сумасшедший / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Сумасшедший / рассказ СУМАСШЕДШИЙ

Умер глава одного из высших судебных учреждений, неподкупный представитель юстиции, о безупречной жизни которого много говорили во всех французских судах. Адвокаты, молодые судейские чиновники, судьи низко кланялись в знак глубокого почтения, завидев его важное, бледное и худое лицо, озаренное сверкающими глубокими глазами.
Всю свою жизнь он преследовал преступления и защищал слабых. Он был самым грозным врагом мошенников и убийц, потому что, казалось, читал в глубине их душ, читал их сокровенные мысли и в мгновение ока разоблачал все их тайные намерения.
Он скончался восьмидесяти двух лет, всеми уважаемый и сопутствуемый сожалением целой нации. Солдаты в красных шароварах провожали его прах до могилы, а люди в белых галстуках изливались над его гробом в скорбных речах и в слезах, казавшихся искренними.
Но вот какой странный документ был найден ошеломленным нотариусом в письменном столе, где покойный обычно хранил особо важные уголовные дела.
Он был озаглавлен:

ПОЧЕМУ?

20 июня 1851 г. Только что вернулся из суда. Я добился того, что Блонделя приговорили к смерти! Но почему все же этот человек убил своих пятерых детей? Почему? Часто встречаешь людей, одержимых страстью к уничтожению жизни. Да, да, это, вероятно, страсть, и, может быть, величайшая из всех страстей; разве акт убийства не походит более всего на акт созидания? Творить и уничтожать! В этих двух словах заключена история вселенной, вся история миров, всего сущего, всего! Почему в убийстве есть что-то пьянящее?

25 июня. Подумать, что есть какое-то существо, которое живет, ходит, бегает… Живое существо? Что такое живое существо? Одушевленный предмет, воплощающий в себе закон движения и волю, которая управляет этим движением! Существо это ни с чем не связано. Ноги его не соединены с почвой. Это зерно жизни, передвигающееся по земле; и оно — это неизвестно откуда явившееся зерно жизни — может быть уничтожено по твоей воле. И тогда — ничего, больше ничего. Все сгниет, и конец.

26 июня. Почему все-таки убийство — преступление? Да, почему? Напротив, это закон природы. Назначение всякого живого существа — убивать: оно убивает, чтобы жить самому, и убивает, чтобы убивать.

Убийство — это свойство нашего темперамента; убивать необходимо! Зверь убивает беспрестанно, каждый день, в каждый момент своего существования. Человек постоянно убивает ради пропитания, но так как у него есть потребность убивать также ради удовольствия, то он изобрел охоту. Ребенок убивает насекомых, каких он находит, птичек и всех мелких животных, какие попадаются ему в руки. Но этого недостаточно для заложенной в нас непреодолимой потребности убийства. Мало убивать животных, — в нас есть потребность убивать людей. Когда-то эту потребность утоляли человеческими жертвоприношениями. В наше время, в силу необходимости жить общественной жизнью, убийство признано преступлением. Убийц осуждают и наказывают. Но так как мы не можем жить, не отдаваясь естественному и властному инстинкту умерщвления, то тешим себя время от времени войнами, в которых один народ истребляет другой народ. Тогда это безудержный кровавый разгул, тот разгул, что сводит с ума целые армии и, мало того, одурманивает буржуа, женщин и детей, когда они читают по вечерам при свете лампы восторженные рассказы о войне.

Можно подумать, что те, кому предназначено устраивать эту человеческую бойню, окружены презрением. Нет. Их осыпают почестями! Их одевают в золото и сверкающие мундиры; они носят перья на шляпах и украшения на груди; им дают кресты, награды, всякого рода чины. Они надменны, их уважают, их любят женщины, их приветствует толпа; и все это единственно потому, что их

назначение — проливать человеческую кровь! Они волочат по улицам свои орудия смерти, а прохожие, одетые в штатское платье, смотрят на них с завистью. Ибо убийство — великий закон, заложенный природой в сердце живого существа! Нет ничего прекраснее и почетнее, чем убивать!

30 июня. Убивать — это закон, ибо природа любит вечную юность. Во всех бессознательных ее проявлениях как будто слышится крик: «Скорей! Скорей! Скорей!» Чем больше она уничтожает, тем больше обновляется.

2 июля. Живое существо? Что такое живое существо? Все и ничего. Благодаря своей мысли оно отражает все. Благодаря своей памяти и знанию оно является как бы уменьшенной копией мира и несет в себе всю его историю. Зеркало вещей и зеркало событий, каждое человеческое существо становится своего рода маленькой вселенной внутри вселенной.

Однако попутешествуйте-ка, посмотрите, как копошатся народы, и окажется, что человек — это ничто, ничто, ничто! Сядьте в лодку, отплывите от берега, покрытого людской толпой, и скоро, кроме береговой полосы, вы уже не увидите ничего. Ничтожное существо исчезнет из глаз — так оно мало и незаметно. Пересеките Европу в скором поезде и посмотрите из окна вагона. Повсюду люди, люди, бесчисленные неведомые люди кишат на полях, кишат на улицах; тупые крестьяне, только и умеющие, что пахать землю, безобразные женщины, только и умеющие, что стряпать похлебку своим самцам и рожать детей. Поезжайте в Индию, поезжайте в Китай, и вы увидите, что и там суетятся миллиарды людей, которые рождаются, живут и умирают, оставляя после себя не больше следа, чем муравей, раздавленный на дороге. Поезжайте к чернокожим, живущим в глинобитных хижинах, или к арабам, ютящимся в палатках, под темным холстом, колеблемым ветром, — и вы поймете, что отдельное изолированное существо ничего не значит, ничего. Человеческий род — все! А что такое человек, отдельный человек какого-нибудь племени, кочующего в пустыне? И эти люди, как истые мудрецы, не беспокоятся о смерти. Жизнь человеческая не имеет у них никакой цены. Врага убивают: это война. Некогда война шла между замками, между провинциями.

Да, попутешествуйте по свету и поглядите, как копошатся эти бессчетные и безвестные люди. Безвестные? Ага, вот в чем суть дела! Убийство — это преступление лишь потому, что мы перенумеровали человеческие существа! Когда они рождаются, их заносят в списки, им дают имя, их крестят. Закон берет их под свою защиту! В этом все! Человек же, нигде не зарегистрированный, не принимается в расчет; убейте его в пустыне или в степи, убейте его в горах или на равнине — какое это имеет значение! Природа любит смерть, и она-то уж не карает!

Священно лишь гражданское состояние. Вот именно! Только оно защищает человека. Человеческая личность священна, потому что занесена в акты гражданского состояния. Чтите же гражданское состояние, это бог законов! На колени!

Государство может убивать, потому что имеет право изменять акты гражданского состояния. Когда оно уничтожает на войне двести тысяч человек, оно исключает их из актов гражданского состояния, оно вычеркивает их рукою своих чиновников. И тогда все кончено. Но мы не смеем ничего менять в этих записях мэрий, и мы должны уважать жизнь. Приветствуя тебя, гражданское состояние, славное божество, царствующее в храмах муниципалитетов! Ты могущественнее самой Природы. Ха-ха!

3 июля. Какая, должно быть, странная и сладкая забава убивать! Чувствовать рядом, возле себя, живое, мыслящее существо, проделать в нем дырочку, маленькую дырочку, увидеть, как брызнет красная жидкость, которая называется кровью и от которой зависит жизнь, а потом возле тебя — только дряблая, холодная, недвижная и лишенная мысли плоть!

5 августа. Я провел всю свою жизнь в том, что осуждал, приговаривал, убивал словами обвинительного приговора, убивал гильотиною тех, кто убивал ножом. А что если бы я, лично я, что если бы сам я поступил так, как поступали осужденные мною убийцы? Кто узнал бы об этом? —

10 августа. Кто и когда узнал бы об этом? Разве заподозрят меня, меня, — особенно, если я выберу человеческое существо, в убийстве которого нисколько не буду заинтересован?

15 августа. О искушение, искушение! Оно вползло в меня, как

червяк. Оно ползет, оно движется, оно бродит во всем моем теле, в моем мозгу, занятом только одною мыслью — убить; оно маячит перед моими глазами, жаждущими посмотреть на кровь, на смерть; оно у меня в ушах, где непрестанно звучит что-то неведомое мне, страшное, раздирающее душу, сводящее с ума — точно последний крик живого существа; оно у меня в ногах, которые дрожат от желания бежать к месту, где должно произойти убийство; оно у меня в руках, которые трепещут от потребности убивать. До чего же это, должно быть, хорошо, необычайно, достойно свободного человека, господина своих чувств, который стоит выше других и ищет утонченных ощущений!

22 августа. Я не мог устоять. Я убил птицу, чтобы попробовать, чтобы начать.

У моего слуги Жана был щегленок в клетке, висевшей у окна канцелярии. Я послал Жана по какому-то делу, а сам взял птичку в руку, и рука моя чувствовала биение ее сердца. Тельце ее было теплое. Я отправился в свою комнату. Время от времени я сжимал птицу сильнее, и сердце ее билось еще чаще; это было ужасно и упоительно. Я чуть не задушил щегленка. Но тогда я не увидел бы крови.

И вот я взял ножницы, короткие ножницы для ногтей, и медленно-медленно, в три приема, перерезал ему горло. Он раскрывал клюв, пытался вырваться, но я крепко держал его, о, я крепко держал его; я способен был бы удержать даже взбесившегося дога; и вот я увидел, как потекла кровь. До чего же она красива, красна, ярка, чиста! Мне захотелось ее выпить! Я попробовал немного на кончик языка. Хорошо! Но ее было так мало у бедной птички! Я не успел как следует насладиться этим зрелищем. Какое, должно быть, великолепное зрелище, когда истекает кровью бык.

Потом я проделал все то, что делают настоящие убийцы. Я обмыл ножницы, вымыл руки, вылил воду и отнес тельце птицы, ее труп, в сад, чтобы похоронить его там. Я зарыл его в грядке клубники. Тут его никогда не найдут. А я каждый день буду есть ягоды с этого куста клубники. О, как можно при умении наслаждаться жизнью!

Мой слуга заплакал; он решил, что птицы улетела. Мог ли он

заподозрить меня? Ха-ха!
25 августа. Мне необходимо убить человека. Необходимо!
30 августа. Я сделал это. Какие это пустяки!
Я пошел гулять в Вернский лес. Я ни о чем не думал, решительно ни о чем. И вдруг по дороге мне навстречу ребенок, маленький мальчик; он шел и жевал хлеб с маслом.
Мальчик остановился, увидев меня, и сказал:
— Здравствуйте, господин председатель.
И мне пришла в голову мысль: «А что, если я убью его?»
Я сказал ему:
— Ты здесь один, мальчик?
— Да, сударь.
— Совсем один в лесу?
— Да.
Жажда убийства пьянила меня, как алкоголь. Я приближался к ребенку медленно, думая, что он убежит… И вот я схватил его за горло… и стал душить, стал душить изо всей силы! Он смотрел на меня глазами, полными ужаса. Какие это были глаза! Круглые, совсем круглые, глубокие, прозрачные, страшные! Я никогда не испытывал такого острого ощущения… и такого краткого! Мальчик вцепился ручонками в мои руки, и тело его извивалось, словно перо на огне. Потом он остался недвижим.
Сердце мое билось, ха-ха, как сердце той птицы. Я бросил труп в канаву и завалил его сухими листьями.
Возвратившись домой, я отлично пообедал. Какие это были пустяки! Вечером в гостях у префекта я был очень весел, беспечен, я как будто помолодел. Все нашли, что я в ударе.
Но я не видел крови! Я спокоен.
30 августа. Труп обнаружили. Ищут убийцу. Ха-ха!
1 сентября. Арестовали двух бродяг. Улик никаких.
2 сентября. Родители пришли поговорить со мной. Они плакали!.. Ха-ха!
6 октября. Ничего не обнаружено. Очевидно, преступление совершил какой-нибудь бродяга. Ха-ха! Если бы я видел, как течет кровь, то, наверно, был бы сейчас спокоен.
10 октября. Жажда убийства пронизывает меня до мозга костей. Это похоже на безумие любви, терзающее нас в двадцать лет.

20 октября. Еще один. После завтрака я гулял по берегу реки. Я увидел рыбака, заснувшего под ивой. Был полдень. Словно нарочно, на соседнем картофельном поле торчал заступ.
Я взял заступ, вернулся, взмахнул им, как дубиной, и с одного удара рассек острием голову рыбака. О, как много вылилось крови! Розовой крови, смешанной с мозгом! Она стекала в воду — очень медленно. Я удалился величественным шагом. На меня стоило посмотреть! Ха-ха! Превосходный вышел бы из меня убийца!
25 октября. Дело рыбака вызвало много шума. В убийстве обвиняют его племянника, рыбачившего вместе с ним.
26 октября. Следователь утверждает, что племянник виноват. Весь город также уверен в этом. Ха-ха!
27 октября. Племянник защищается весьма неудачно. Утверждает, что ходил в деревню покупать хлеб и сыр. Клянется, что дядю убили во время его отсутствия. Кто этому поверит?
28 октября. Племянник чуть было не сознался в убийстве — до такого состояния его довели. Ха-ха! Правосудие!
15 ноября. Отягчающие улики против племянника, который должен был наследовать покойному. В заседании суда председательствовать буду я.
25 января. Смерть ему! Смерть ему! Смерть ему! Я заставил присудить его к смертной казни. Ха-ха! Товарищ прокурора говорил, как бог. Ха-ха! Еще один! Пойду смотреть на казнь!
10 марта. Кончено. Сегодня утром его гильотинировали. Он очень хорошо умирал, очень хорошо! Это доставило мне удовольствие! Какое прекрасное зрелище, когда человеку отрубают голову! Кровь хлынула волной, настоящей волной! О, если бы можно было выкупаться в ней! Какое наслаждение окунуться в нее, смочить ею волосы и лицо и подняться красным, красным с головы до ног! О, если бы кто-нибудь знал!
Теперь я подожду, я могу ждать. Ведь так мало нужно, чтобы попасться.

…

Рукопись содержала еще много страниц, но ни о каких новых

преступлениях там больше не говорилось.
Врачи-психиатры, которых ознакомили с рукописью, утверждают, что на свете много никому неведомых сумасшедших, таких же коварных и таких же страшных, как этот чудовищный безумец.

* * *

Напечатано в «Голуа» 2 сентября 1885 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994
Перевод В. Мозалевского Hekaýalar